

Передо мной высокая худая девочка с чёрными гладкими волосами, зачёсанными назад, с быстрыми тёмными глазами. Смуглый оттенок лица и немного широкие скулы делали её похожей на казачку. Она стояла около моей парты лицом к окну и следила за игрой в футбол во дворе школы после уроков.

Такой я помню Зою Космодемьянскую семь лет назад, т.е. в 1935 г. В этом году я познакомился с Зоей как одноклассник, и потом на протяжении всего курса занятий в школе (с 1-го по 12-й класс) я учился вместе с ней и с её братом Александром.

Четвёртый класс 10-й школы ФЭД. Сорок учеников застыли в ожидании вызова к доске с разбором бывшего вчера диктанта по русскому языку. Наконец учитель (Л.Н. Юрьева) объявляет: «Космодемьянская!» Зоя встаёт из-за парты с тетрадь в руке и уверенно идёт к учителю. Просто и ясно объясняет она правописание трудных слов, читает правила, приводит примеры. Всё это делается без малейшей заминки. Учитель доволен и Зоей и её ответом. Да как же не быть ею довольным? Ведь она написала этот диктант, как и все предыдущие, на отлично.

«Хорошо, Зоя, достаточно. Остальное ответит другой», — прерывает её учительница, и в классном журнале, в клеточке против её фамилии появляется коротенькое, но радостное для ученика словечко — «отлично».

А вечером этого же дня к нам в школу пришли наши шефы из редакции газеты «За ударные темпы» завода НКО. Пионерский актив нашего класса (Зоя входила в него как звеновожатый) докладывал им по подготовке ребят к празднику Великой Октябрьской социалистической революции, о том, какие подарки преподнесём мы в этот день на пионерском сборе. «Моим лучшим подарком, — сказала Зоя, — будет отличная успеваемость. Этого я добьюсь, обязательно добьюсь!» И когда перед праздником мы снова собрались в редакции и стали называть свои подарки, Зоя осторожно открыла обложку дневника, и там на последнем листе в таблице стояли одни отличные отметки.

После беседы редактор обратился к нам: «Ну, а теперь, ребята, пусть каждый расскажет мне, кем бы он хотел быть в будущем». Двенадцатилетние мальчики решали быть художниками, изобретателями, пограничниками, девочки больше отмалчивались. «Хочу научиться познавать людей — сказала вдруг Зоя. — Буду много-много читать, я ведь люблю литературу». — «Добро! — ответил редактор. — Будь настойчива, воспитай в себе смелого пионера-ленинца, больше читай, люби книгу и ты добьёшься того, чего ты хочешь».

А когда зимой я на четыре десятка дней лёг (со скарлатиной) в больницу, то первым

отрадным днём могу назвать тот день, когда сестра принесла мне аккуратный, вчетверо сложенный листок бумаги – это была записка от пионеров нашего класса, написанная Зоиной рукой. «Скорее поправляйся, Витя, — писала она, — ведь я сейчас работаю за тебя председателем отряда. Работы много. Третья четверть кончается, а в классе ещё есть две плохие отметки. Занимаюсь с этими ребятами, помогаю всем, чем могу, обещала классному руководителю, что плохих не будет. Ну, выздоравливай скорее. Привет ото всех ребят. Зоя Космодемьянская»

На следующий день я просил передать врачу, что согласен на операцию, на которую за два дня до записки не соглашался. Мысли о ребятах, о школе стали меня преследовать, и я сам стал инициатором такого неприятного дела, как операция.

В 5-м классе я помню Зою деятельной девочкой, которая принимала самое живое участие в подготовке всевозможных вечеров художественной самодеятельности, пионерских сборов и т.п., что, однако, не мешало ей отлично заниматься и получать каждый год похвальные грамоты.

В 6-м классе мы стали готовиться к вступлению в комсомол (это было в 1938 г.), и в октябре этого же года общее собрание комсомольцев нашей школы (переименованной к этому времени в 201-ю среднюю школу ООНО) приняло часть ребят нашего класса в члены ВЛКСМ. Комсомольская группа вначале состояла всего из 6 человек. Группоргом был Арнольд Гриф, на 7 месяцев раньше нас вступивший в комсомол. На собраниях нашей группы я ещё больше познакомился с Зоей. Она жила в доме недалеко от парка им. Тимирязева. Отца у неё не было. Четырнадцатилетний брат Александр учился с нами в одном классе. Мать работала на заводе. Зоя очень любила своего брата. «Мурочка» — как она его называла – учился хуже её и постоянно имел неприятности с учителями, за которые она болела душой. Много раз самолюбивому Шуре приходилось выслушивать наставления сестры, на которые он обычно дулся, краснел и ничего не отвечал, чувствуя себя виноватым.

В середине учебного года начался трудный раздел по математике и физике, и Зоя, лучше других преуспевавшая в литературе и истории, стала отставать по математике. Зоя усиленно занималась, обращалась ко мне за помощью. Много раз оставались мы после уроков, решали задачи, разбирали формулы. Но на следующий день у доски она опять допускала какую-либо неточность, путала ответ, и нам приходилось заниматься снова. Зоя была настойчива, и если мне надоедал один и тот же материал, и я спешил перейти к другому, то она останавливала меня и повторяла этот раздел столько, сколько нужно было для того, чтобы его усвоить. Нам жалко было терять в классе отличника, и мы решили, что если Зое дать ответственную работу, то она обязательно

подтянется в учёбе. Зою выбрали группоргом, уже много спустя мы увидели свою ошибку, поручив ей такую работу, мы отняли у неё много времени, что в плохую сторону отразилось на её учёбе.

Но и в этом случае Зоя не оставалась бездеятельна: однажды на группе ею было внесено предложение о регулярных занятиях наших комсомольцев с малограмотными и неграмотными домохозяйками. Вначале ребята согласились, но когда оказалось, что придётся ходить далеко через поле, то многие стали отказываться. Зоя пристыдила их и указала на то, что они не выполняют комсомольских поручений, те стали посмеиваться над этим нововведением, и начался большой спор, а затем и ссора. Настало время перевыборов, и группоргом снова был избран Арнольд Гриф.

Эта история очень нехорошо подействовала на Зою, Она стала как-то постепенно уходить в себя. Стала менее общительной, больше полюбила уединение. В 7-м классе за ней ещё чаще стали замечать, как нам казалось, странности. В душе она чувствовала глубокую обиду. Её убеждения в том, что ребята-комсомольцы должны быть смелыми, решительными, чуждыми боязни трудностей, были разбиты самими ребятами, которые отказались выполнить уже принятое поручение и, будучи неправы, затеяли спор и ссору. Как и многое другое, это быстро забылось ребятами, но Зоя не могла забыть ни ссоры, ни обиды: они больно поразили её. Было заметно: что-то накапливает у этой девушки. Она не находила себе места, но не с кем было поделиться, некому было выложить душу. Из девочек близких подруг после ссоры не было, а из мальчиков оставался один брат Шурик, которого она хотя и очень любила, но задушевно поговорить боялась – мог не понять. Мы тоже не понимали эту девушку, и она не могла среди нас найти себе друга. Слишком загадочными были для нас её молчание, всегда задумчивые глаза, а порою некоторая рассеянность. И непонятная Зоя становилась ещё непонятнее.

В середине года мы узнали от её брата Шуры, что Зоя больна. Это произвело сильное впечатление на ребят.

Решили, что в этом виноваты мы. Некоторые несмело оправдывались, но комсомольская группа дала почувствовать всем, кто прав и кто виноват, и ребятам было больно и неприятно за свои опасные и серьёзные ошибки.

После выздоровления (это было уже в 9-м классе, т.е. в 1941 г.) никто не напоминал Зое о её болезни, каждый старался скорее забыть прошлое и скорее принять Зою в свой коллектив. Это была уже не худая смуглая девочка-подросток, а высокая стройная девушка, с коротко остриженными волосами, плечистая и полная. Всех удивило то,

что, несмотря на большой пропуск учебных дней, она шла в учёбе наряду со всеми: как и прежде, её сочинения по литературе отличались своеобразием написания, живостью образов. Было видно, что материал, по которому пишется сочинение, глубоко продуман и понят, и единственное, что было однообразно во всех сочинениях – это оценка «отлично». Много раз приходила Зоя к нам в комитет и спрашивала: «Скоро ли Шурику можно будет стать комсомольцем?» Но у Шурика не ладилось с учёбой и дисциплиной. И неустанная Зоя принималась за него ещё и ещё раз. Опять Шурик писал дополнительные сочинения и получал замечания от сестры на уроках, когда мешал преподавателю и ребятам.

Последний раз я встретился с Зоей на трудфронте. Комсомольцы нашей школы были направлены в один из животноводческих совхозов под Каширу на уборку картофеля. Это было осенью 1941 г. Много часов подряд трудились наши комсомольцы на полях совхоза. А вечером после трудной работы веселились, отдыхали. Как и все, работала вместе с нами простая советская девушка, молодая комсомолка Зоя Космодемьянская, покрывшая теперь себя великой славой доблестного защитника нашей Родины.

Холодное осеннее солнце немного подсушило траву. Ребята выбежали из дома с мячом, и на поляне под окном завязалась жаркая футбольная схватка. Зоя стояла около окна и следила за игрой. Здоровый осенний воздух врывается через распахнутую форточку, румянит её щёки. Тусклое осеннее солнце отражалось в её тёмных, блестящих глазах. Взгляд её постепенно перешёл на темнеющий вдали лес и стал задумчивым и далёким.

Ученик 201-й
школы

Белокунь